

Глава XXXVI

В конце 1909 года в Нью-Йорке начался крестовый поход праведников. Реформаторы узнали о проблеме белых рабынь! Они тут же принялись хлопотать, хоть и не имели ни малейшего понятия о корне зла, которое пытались уничтожить.

У меня было много шансов познакомиться с проституцией: сперва в доме, где мне какое-то время пришлось жить, потом были те два года, что я ухаживала за миссис Спенсер, и, наконец, на Блэквелл-Айленд. Кроме того, я много читала и собирала информацию по этой теме. Поэтому я считала себя намного более осведомлённой в этом вопросе, чем радители нравственности, которые теперь создавали столько шума. Я подготовила лекцию о белой работоторговле, включив сведения о её причинах, последствиях и способах преодоления. Она стала гвоздём программы моего нового курса лекций, а также вызвала самые бурные дискуссии и острую критику. Эта лекция была опубликована в январском номере Mother Earth, а впоследствии издана в виде брошюры.

Вскоре после этого мы с Беном отправились в ежегодное турне. По дороге мы часто слышали жалобы подписчиков, что они не получили январский номер журнала. Я телеграфировала об этом Саше, и он пошёл разбираться с почтовой службой. Там сообщили, что несколько номеров были удержаны из-за жалобы Энтони Комстока. И, хотя нам льстило попасть в число жертв комстокизма, мы захотели узнать причину такой неожиданной чести.

После нескольких звонков Саше удалось предстать перед августейшим хранителем американской морали. Комсток признал, что Mother Earth удержали, но отрицал, что из-за его жалобы.

«Это дело сейчас под моим контролем, — сказал он Саше. — Причина — статья мисс Гольдман о белой работоторговле». По приглашению Комстока Саша пошёл вместе с ним в офис окружного прокурора, где святой Энтони провёл двухчасовую тайную беседу. Далее последовали долгие консультации с начальником почтовой службы. Наконец цензор объявил, что в статье не нашлось ничего крамольного.

На следующий день New York Times опубликовала интервью с Комстоком, в котором он отрицал произошедшее. Он заявил, что это была «уловка Эммы Гольдман с целью привлечь внимание к её публикации». Он не имел никаких претензий к журналу, и почтовая служба ничего не задерживала. Потребовалась ещё целая неделя напряжённой работы Саши, ходившего по почтовым отделениям и неоднократно телеграфировавшего в Вашингтон, пока январский номер не был наконец пропущен.

Если бы Комстоку хватило порядочности, чтобы предупредить о своих намерениях заранее, мы напечатали бы пятьдесят тысяч копий запрещённого номера. Вмешательство цензора сделало хорошую рекламу нашему изданию. Спрос на Mother Earth сильно подскочил, но, к сожалению, у нас в наличии было только обычное количество экземпляров.

Впервые после борьбы за свободу слова в Чикаго в 1908 году я могла вернуться в этот город. Полиция, вероятно, помня, как она прославила анархизм в прошлый раз своим отношением ко мне, заверила Бена, что больше нам не будут досаждать. Это обещание наполнило моего управляющего радостным предвкушением работы, которая ждала нас в его родном городе. Он уточнил даты и темы и с неутомимой энергией приступил к организации цикла лекций.

Чикаго много значил для меня. Своим духовным рождением я была обязана мученикам 1887 года. Десять лет спустя здесь я встретила Макса, чьё понимание и нежная дружба продолжали вдохновлять и поддерживать меня все эти годы. В Чикаго в 1901 году я была так близка к смерти из-за своего отношения к Леону Чолгошу, и разве не Чикаго подарил мне Бена? Бен, со всеми его недостатками, безответственностью и одержимостью, был человеком, который повергал мой дух в агонию, как никто другой подарил мне глубочайшую преданность и полностью посвятил себя моей работе. Мы были вместе всего два года, и за это время он испытывал моё терпение сотни раз, мой ум постоянно восставал против этого странного парня, чья близость была мне жизненно необходима.

Я читала лекции в городе на озере Мичиган с 1892 года, но только в этот раз я впервые осознала свои возможности. За десять дней я выступила на шести митингах по-английски и на трёх на идише; все мои выступления привлекли огромные толпы людей, достаточно заинтересованных, чтобы заплатить за вход и приобрести значительное количество нашей литературы. Несомненно, это было большим достижением, и всё благодаря усилиям Бена. Удовлетворение нашим возросшим влиянием в Чикаго сочеталась с гордостью за Бена, гордостью, что даже самые ярые его противники в наших рядах увидели и с радостью признали его искренность и талант организатора. Как минимум в этом городе Бен завоевал сердца многих товарищей и заручился их дружбой и поддержкой.

В поездках по Соединённым Штатам я выяснила, что университетские городки всегда были равнодушны к социальной борьбе. Американские студенческие организации не хотели знать об основных проблемах своей родины и не симпатизировали народу. Поэтому я была не в восторге от идеи Бена вторгнуться в Мэдисон, штат Висконсин.

Велико же было моё удивление, когда я нашла совершенно новые настроения в Висконсинском университете. Я обнаружила, что профессора и студенты живо интересуются социальными проблемами, а в библиотеке можно найти лучшую подборку книг, газет и журналов. Профессора Росс, Коммонс, Ястров и несколько других выгодно отличались от средних американских педагогов. Они прогрессивно мыслили, были внимательны к мировым проблемам и демонстрировали современные взгляды в изложении своих предметов.

Группа студентов пригласила нас прочесть лекцию в зале Юношеской христианской ассоциации на территории университетского городка. Бен говорил о взаимосвязи между образованием и агитацией, а я рассказала о различиях между русскими и американскими выпускниками колледжей. Наши слушатели узнали, что русская интеллигенция видела в образовании не средство продвинуться по карьерной лестнице, а возможность понять жизнь и людей, чтобы потом учить их и помогать им. Американские же студенты, как

правило, волновались лишь о своих дипломах. Что касается социальной борьбы, американские университетские круги мало знали о ней и ещё меньше заботились. Наши выступления вылились в оживлённые дискуссии, которые доказали, что публика весьма продвинулась в осознании собственной связи с народными массами и признании своего долга перед трудящимися, производящими общественное благо.

Попечительский совет Юношеской христианской ассоциации не придумал ничего лучше, чем отказать нам в использовании зала. И это было прекрасной рекламой наших митингов и привлекло в зал, который мы арендовали в городе, десятки студентов, которые теперь с ещё большим нетерпением ждали наших выступлений. Впоследствии я узнала от библиотекаря, что, пока я находилась в городе, книги по анархизму пользовались большим спросом, чем за всё время существования библиотеки.

Ажиотаж, вызванный моим присутствием в Мэдисоне, и высокая посещаемость наших митингов были серьёзным испытанием для консервативных горожан. Их рупор, газета Democrat, забила тревогу из-за «разгула духа анархии и революции в колледже». Редактор избрал в качестве мишени профессора Росса, который дал мне крышу над головой, рекомендовал своим студентам ходить на мои лекции и сам, бывало, их посещал. Газета почти добилась отставки профессора. К счастью, он отправился в давно запланированную поездку в Китай вскоре после моего приезда. Неистовство Democrat вскоре утихло, и, когда доктор Росс вернулся с Востока, он мог продолжать работу без дальнейших преследований.

В качестве импресарио труппы Орленева я часто посещала светские мероприятия, но как пропагандистка старалась избегать досужих развлечений. Теперь человеком, который водил меня по светским завтракам и ужинам с людьми, мнящими себя богемой, был Уильям Мэрион Риди, блестящий редактор St. Louis Mirror. Его обходительные манеры помогли бы ему пронести самую опасную контрабанду в стан врага. На меня обрушилась масса вопросов на первом же завтраке с «милыми» людьми из Сент-Луиса, где было много слов, но мало радушия. Единственным живым человеком здесь был Билл Риди, похожий на игристое вино на молитвенном собрании.

Во второй раз я появилась в гостях у Гильдии художников, общество которых состояло из «уважаемых» представителей богемы. Эта «богемность» напомнила мне похождения Джека Лондона по лондонскому Ист-Энду, описанные в его «Людах бездны»: как он стоял в очереди за хлебом, часами ждал, чтобы его наняли кидать уголь, и запирался в рабочем доме, утешаясь мыслью, что в любой момент он может вернуться к себе домой, принять ванну, переодеться и съесть сытный ужин.

Большинство членов Гильдии производили впечатление людей, для которых «богемность» была своего рода наркотиком, помогавшим скрасить скуку жизни. Конечно, были и те, кто понимал смысл борьбы, которая является уделом каждого честного и свободного человека, стремится ли он к идеалу в жизни или в искусстве. Им и предназначалась моя лекция «Искусство в жизни», утверждавшая, что, среди прочего, жизнь во всём её многообразии и полноте — это искусство, высочайшее искусство. Человек, который не есть часть потока жизни, — это не художник, не важно, насколько хорошо он рисует закаты или сочиняет ноктюрны. Конечно, это не значит, что художник должен иметь определённые убеждения,

присоединиться к анархистской группе или вступить в профсоюз. Это означает, что он должен быть в состоянии чувствовать трагедию миллионов, обречённых на отсутствие радости и красоты. Истинный художник не вдохновляется в гостинице. Великое искусство всегда стремится в массы, к их надеждам и мечтам, за искрой, воспламеняющей сердца. Остальные, «многие, слишком многие», как Ницше говорил о посредственности, были обычным товаром, который можно купить за деньги, дешёвую славу и общественное положение.

Моя лекция о драме была особенно кстати в связи с кампанией, которую в то время вели священники и добродетельные дамы с целью очистить сцену от скверны. Впрочем, лекция, посвящённая Франсиско Ферреру, привлекла самую большую аудиторию и вызвала самый живой интерес.

Больше удовольствия, чем «вторжение в общество», приносило время, проведённое «У Фауста» с Билли Риди, а также в приятной компании Бена и Иды Кейпс. В теории мы с Биллом были в пяти тысячах лет друг от друга. Об этом красноречиво говорил мой портрет, нарисованный пером и названный «Дочь мечты». В действительности же редактор St. Louis Mirror был вполне анархистом. Широта его взглядов, терпимость и щедрая поддержка всякого социального бунта делали нас ближе. В наших литературных вкусах было много общего, а его шикарный ирландский юмор и живой ум скрашивали часы, что мы проводили вместе.

Я рассказала ему ещё об одном вечере, который я провела «У Фауста» в 1901 году с Карлом Нольдом и нашими друзьями перед тем, как поехать в Чикаго сдаваться полиции. «Вы сидели здесь, наслаждаясь едой и напитками, пока две сотни сыщиков сбивались с ног, разыскивая Эмму Гольдман по всей стране! — воскликнул он. — О, мой бог, что за женщина!» Он просто покатился со смеху, его глаза округлились от удивления, толстый живот сотряснулся от хохота. Пришлось похлопать его по спине и предложить воды, чтобы к Билли вернулась возможность дышать, но весь вечер он продолжал восклицать: «О, Боже, что за женщина!».

Кейпсы были мне ближе, чем Билл, в более глубоком смысле: нас объединял общий идеал и борьба за него. Задолго до того, как я с ними встретилась, я слышала о рвении, проявленном ими в нашем деле, и о постоянной готовности откликнуться на его нужды. Намного позже я узнала, как Бен пришёл к социальному сознанию. «Это был один из твоих митингов в Сент-Луисе, — рассказал он. — Я пришёл с толпой детей, чтобы забросать тебя тухлыми яйцами, потому что ты была врагом Бога и человека. Твои слова тем вечером затронули меня за живое и полностью изменили мою жизнь. Я пришёл поглумиться, а ушёл в благоговении перед новым миром, который ты открыла для меня». С тех пор он никогда не изменял своему мировоззрению и нашей дружбе, которая стала прочнее и прекраснее с годами.

Мичиганский университет находится в десяти часах езды от университета Висконсина, но с точки зрения идеологии отстаёт лет на пятьдесят. Вместо профессоров широких взглядов и увлечённых студентов я предстала перед пятьюстами университетскими грубиянами, которые свистели, улюлюкали и вели себя, как безумцы. Мне случалось выступать перед

сложной публикой — докерами, моряками, сталелитейщиками, шахтёрами, людьми, охваченными военной истерией. Они казались невинными институтками по сравнению с той жёсткой бандой, которая явилась на этот раз с намерением сорвать митинг. К тому моменту, как я добралась до зала, эти апологеты святости частной собственности растерзали всю нашу литературу. Покончив с этим, они принялись развлекаться, бросая куски угля в хрустальную вазу, стоявшую на сцене. Помещение было набито мужчинами, кроме меня присутствовала лишь одна женщина, доктор Мод Томпсон. Бедняжка оказалась зажатой у двери и не могла пробиться к сцене. В любом случае она бы ничем не помогла, так как я не намеревалась взывать к «благородству» этих переростков.

Несколько учащих, которые развлекали нас на ужине студенческого братства, начали беспокоиться о моей безопасности и предложили вызвать полицию. Было очевидно, что подобный шаг только усугубит ситуацию и, возможно, спровоцирует беспорядки. Я сказала, что сама справлюсь с этим концертом и приму на себя все последствия.

Моё появление на сцене было встречено криками, звоном, топотом и возгласами: «Вон она, анархистка-бомбистка, вон эта развратница! Мы не позволим тебе выступать в нашем городе, Эмма! Проваливай, лучше проваливай отсюда!»

Я ясно видела: чтобы справиться с ситуацией, мне нельзя показывать волнение или терять самообладание. Я стояла перед молодыми дикарями, скрестив руки на груди, пока оглушительный шум продолжался. Во время краткого затишья я сказала: «Господа, вижу, вы хотите посоревноваться. Очень хорошо, вы получите состязание. Просто продолжайте шуметь. Я подожду, пока вы иссякнете».

На мгновение установилась удивлённая тишина, потом они снова начали бесноваться. Я продолжала стоять, скрестив руки, сосредоточив всю силу характера во взгляде. Постепенно шум стих, и кто-то крикнул: «Ладно, Эмма, рассказывай о своём анархизме!» Это подхватили остальные, и через какое-то время наступило относительное спокойствие. Тогда я начала говорить.

Я говорила час, меня то и дело перебивали, но вскоре абсолютная тишина повисла над аудиторией. Я сказала, что их поведение — лучшее доказательство влияния власти и её системы образования. «Вы являетесь её продуктом, — говорила я. — Как вы можете понимать смысл свободы мысли и слова? Как вы можете испытывать уважение к другим, быть добрыми и гостеприимными к чужаку? Авторитаризм дома, в школе и в политических учреждениях разрушает эти качества. Он превращает личность в попугая, повторяющего устаревшие лозунги, пока не лишится способности самостоятельно думать или осознавать социальную несправедливость. Но я верю в возможности молодости, — продолжала я. — А вы молоды, джентльмены, очень молоды. Вам повезло, потому что вы ещё не испорчены и чутки. Энергии, которую вы наглядно продемонстрировали сегодня, можно найти лучшее применение. Можно обратить её во благо ваших братьев. Но вы потратили свои усилия на уничтожение прекрасной вазы и литературного труда мужчин и женщин, которые живут, работают и часто умирают за своё видение лучшего будущего».

Когда я закончила, аудитория взорвалась университетским кличем. Позже мне сказали, что это была лучшая возможная похвала. Ближе к вечеру ко мне в отель пришёл студенческий комитет, чтобы извиниться за поведение своих товарищей и покрыть ущерб за уничтоженную литературу и вазу. «Вы выиграли, Эмма Гольдман, — сказали они. — Вы нас пристыдили. В следующий раз, когда будете в нашем городе, мы окажем вам другой приём».

Это событие было не единственным, произошедшим с нами в Энн-Арбор. Ещё мы познакомилась с доктором Уильямом Бёмом, преподавателем университета, и его женой, доктором Мод Томпсон, приятной женщиной с мягким характером. В день лекции мы с Беном были приглашены к ним на ланч. Там мы битый час горячо спорили с Бёмом, приверженцем «научного социализма». На последовавшем митинге он позабыл о наших теоретических разногласиях; товарищеская солидарность и забота говорили в нём громче бесстрастной науки, и он был готов бороться за меня.

В Буффало мы обнаружили необычную личность на посту секретаря мэра. Только Америка могла породить такое противоречие: он был радикалом и атеистом, но при этом имел ограниченное сознание жителя Новой Англии. Он мечтал о великих свершениях, но тратил силы на мелкие дела; политик и оппортунист, он боялся общественного мнения и одновременно им пренебрегал. Он ничего не выигрывал и многим рисковал, убеждая мэра позволить мне выступить, но отстаивал мои права с пуританским упорством.

Начальник полиции попытался запретить мой митинг. Мэр с подачи секретаря сопротивлялся. Это было соревнование, в котором интеллект одолел чиновничью узколобость.

Пути господни неисповедимы; по неизвестной причине больше в этом турне нам никто не мешал. Мы пропутешествовали без приключений, распахивая старые поля, осваивая целину, встречая замечательных людей, которые добавляли интереса и вкуса нашей работе.

Объективные публикации об анархистах в прессе были чем-то новеньким. В Денвере, к моему глубочайшему удивлению, три газеты напечатали дословные конспекты моих лекций. Скандальный критик из местной Times даже сделал открытие. «Эмма Гольдман, — писал он, — считается врагом общества, потому что, подобно доктору Стокману во „Враге народа“ Ибсена, указывает на наши пороки и недостатки».

Город Рино, настоящая фабрика разводов, привлекает особый тип женщин. Они слетаются туда, чтобы выкупить свою свободу у одного хозяина и, как это часто случается, более выгодно продаться другому. Благопристойность — это просто. Никакой тебе сердечной боли, душевных терзаний, которые переживает свободная женщина, переходя от прежнего к новому эмоциональному опыту. Достаточно клочка бумаги, который, если есть деньги, легко достать и успокоить общественное мнение и собственную совесть. Тем не менее разведённые дамы в отеле, где мы остановились, были возмущены.

«Что? Эмма Гольдман с нами под одной крышей? Эмма Гольдман, защитница свободной любви?! Мы такого не потерпим», — заявили они. Что оставалось делать бедному хозяину?

Разведённые, как и бедные, всегда будут существовать, они выгодные гости. Мне пришлось покинуть отель. Ирония ситуации состояла в том, что женщины, протестовавшие против моего присутствия под одной крышей с ними, помогли собрать толпу на мои лекции «Несостоятельность брака» и «Значение любви».

В Рино меня посвятили в искусство азартных игр. Никогда раньше я не видела широко распахнутых дверей игорных домов, в которых люди осаждали рулеточные столы. Было любопытно наблюдать за выражением лиц и поведением мужчин и женщин, одержимых азартом. Я тоже попыталась «удачу», но, проиграв пятьдесят центов, оставила попытки выиграть состояние.

В Сан-Франциско я узнала, что по соседству живёт Джек Лондон. Я познакомилась с ним в мой первый визит в Калифорнию в 1897 году, он бывал у Струнских в числе других молодых студентов-социалистов. С тех пор я прочла большинство его произведений, и мне хотелось возобновить знакомство. Была и другая причина: в Нью-Йорке собирались учредить Современную школу Ассоциации Феррера. Нам удалось заручиться активной поддержкой некоторых видных педагогов, среди которых были Лола Ридж³¹, Мануэль Комров³², Роуз и Мэри Юстер. Мне хотелось заинтересовать Джека Лондона нашим проектом. Я написала ему, приглашая посетить мою лекцию о Франсиско Феррере.

Ответ был весьма в его духе. «Дорогая Эмма Гольдман, — писал он, — я получил вашу записку. Я не пошёл бы на митинг, даже если бы там выступал сам Господь Всемогущий. Я посещаю лекции в единственном случае — когда говорю сам. Однако мы хотим видеть вас у себя. Приезжайте в Глен-Эллен и привозите с собой всех, кого пожелаете».

Джек и Чармиан Лондон на Гавайях

Как можно было отказаться от столь любезного приглашения? Со мной были только два друга, Бен и мой адвокат Кирк, но, даже если бы я привела целый табор, Джек и Чармиан Лондон приняли бы всех — таким тёплым и искренним было гостеприимство этих милых людей.

Насколько реальный Джек Лондон отличался от чопорного, механического социалиста из «Писем Кемптона — Уэсу»! В нём были молодость, изобилие, пульсация жизни. Он был хорошим товарищем, заботливым и преданным. Он сделал всё, чтобы превратить наш визит в чудесный праздник. Конечно же, мы спорили о политических разногласиях, но в Джеке не было и следа злопамятности, которую я часто замечала в спорах с другими социалистами. Но, прежде всего, Джек Лондон был художником, творческой личностью, для которой свобода означала саму жизнь. И как художник он не мог не заметить красоту анархизма, даже будучи убеждённым, что обществу придётся пройти через стадию социализма прежде, чем оно сможет достичь высшего уровня развития — анархизма. В конце концов, не политические убеждения Джека Лондона имели значение для меня. Важны были его

гуманность, его понимание сложности человеческой души. Как ещё он мог создать своего великолепного «Мартина Идена», если бы сам не обладал качествами, которые привнёс в духовную борьбу и трагедию своего героя? Именно Джек Лондон, а не приверженец механистических взглядов добавил смысла и радости моему визиту в Глен-Эллен.

Чармиан, жена Джека, была гостеприимной хозяйкой, нежной и любящей. Она была активной и подвижной, несмотря на то, что в скором времени ожидала рождения ребёнка. Я беспокоилась, не слишком ли она переутомляется, занимаясь хозяйством. Все три дня, которые мы у них гостили, Чармиан едва ли отдыхала — разве что после ужина, занимаясь шитьём одежды для младенца, пока мы спорили, шутили и пили до рассвета.

Пятнадцать лет назад мои лекции стали возможны благодаря товарищам, которые всегда стремились помочь мне. Но им никогда не удавалось привлечь внимание значительной американской аудитории. Некоторые из них были слишком заняты агитацией среди своих соотечественников-иммигрантов, чтобы пытаться заинтересовать англоязычных граждан. Достижения тех лет были ограниченными и недостаточными. Теперь стараниями Бена моя работа вышла на новый уровень, за пределы прежних узких рамок. В ходе этого турне я посетила тридцать семь городов в двадцати пяти штатах, среди них — места, где об анархизме раньше никогда не слышали. Сто двадцать раз я выступала перед большой аудиторией, двадцать пять тысяч зрителей заплатили за вход. Кроме того, лекции бесплатно посетил большое количество неимущих студентов и безработных. Самым приятным достижением в возросшем размахе нашей деятельности были десять тысяч проданных и пять тысяч розданных бесплатно экземпляров литературы. Не менее важны были и средства на различные кампании по борьбе за свободу слова, собранные на тех же митингах. Не забывали мы и о другой деятельности. Обращения с призывами оказать помощь Ассоциации Франсиско Феррера и собрать средства на организацию забастовок получили значительный приток пожертвований.

Тем не менее я подвергалась строгой критике со стороны некоторых товарищей. Они считали настоящим предательством, что я, анархистка, путешествую с управляющим, бывшим бродягой, человеком с дурными манерами, который даже не был анархистом. Признаться, меня это не беспокоило, хотя и было горько встретить подобное сектантство в наших рядах. Я утешала себя мыслью, что за последние два года я проделала большую работу, и благодаря мне анархизм приобрёл ещё более широкую известность, чем прежде. И всё это стало возможным во многом благодаря мастерству и преданности Бена.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 18 апреля 2025 19:51:25

██████████ ██████████ обновил 18 апреля 2025 19:52:04